КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

В. Э. ВАЦУРО

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ДОМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

- Вадим Эразмович Вацуро
  - Будем работать в стол — благо, опыта не занимать[1]
- notes
  - 1

Вадим Эразмович Вацуро

Будем работать в стол — благо, опыта не занимать [1]

С ведущим научным сотрудником Пушкинского Дома беседует Наталья Иванова-Гладильщикова

— Вадим Эразмович, сейчас возникла парадоксальная ситуация: все как будто разрешено, в том числе и в сфере интеллектуальной, а книгоиздание замирает (или вымирает?), филология шагнула назад, в допечатную эпоху. В вашей совместной с М. И. Гиллельсоном книге «Сквозь „умственные плотины“» шла речь о преградах, которые ставились на путях просвещения, но его не сокрушили. Сейчас плотины сметены, ничто не мешает, а мы, похоже, сели на мель…

— Это требует особого размышления. Даже вопрос о цензуре не столь уж прост. Пушкин, всю жизнь страдавший от цензуры, в то же время говорил о невозможности и недопустимости абсолютной свободы печати, потому что необходимо пресекать диффамацию, клевету, порнографию, распространение заведомо антисоциальных слухов, — печатный станок сильнее артиллерийского снаряда. Здесь приходится вспомнить ядовитое замечание Марка Твена: до сих пор все думают о том, чтобы оградить свободу печати, а неплохо было бы подумать о том, чтобы оградить…

— …свободу от печати?

— Безусловно. Это вопрос о допустимых пределах любой власти, будь то законодательная, исполнительная, судебная или власть четвертая — власть печати. Требуется некоторое их равновесие, в противном случае страдает свобода. Попытки подчинить печать государственному диктату не могут не вызвать протеста, но, к сожалению, и в печати дезинформация, бьющая в глаза необъективность стали едва ли не нормой.

Кстати, свобода печати сама по себе еще недостаточна ни для стимулирования культуры, ни даже для свободы мнений. Тут нужен определенный уровень цивилизованности общества. Сегодня же появляются кастовые, групповые органы печати, с сектантской нетерпимостью исключающие всякую свободу мнений. В таких условиях в периоды резкой поляризации

общества обычно растет потребность в изданиях, где высказывались бы люди, не принадлежащие ни к какой группе. Чаще всего именно они являются носителями культуры.

Есть и другая сторона вопроса. Дух демократизма создает предпосылки для развития культуры, но самое культуру он создать не может: она живет по своим имманентным законам. Мы знаем периоды культурного расцвета при авторитарных и даже деспотических режимах. Пушкинская эпоха в России вовсе не была отмечена торжеством демократии. Бывают и парадоксальные явления. У нас в период сильного внешнего давления на литературу создались культурные кружки с очень большим полем интеллектуального напряжения. Под воздействием извне они обнаруживали свои скрытые силы. Как только давление упало, в разреженном воздухе они уже не смогли работать. Наша литература всегда была социально ориентированной, она брала на себя функции социологии, философии, политики и религии. Сейчас литературе понадобились свои, только ей присущие ориентиры. Эстетические критерии выходят на первый план. Литературе предстоят суровые испытания: она держит теперь экзамен на то, чтобы называться литературой. Так, между прочим, было у нас в последние десятилетия прошлого века в поэзии. А с наступлением Серебряного века публицистике, эстетической и религиозной проповеди, даже самой благородной по намерениям, уже стало невозможно притворяться поэзией: критика, наиболее просвещенная часть читателей сразу же распознавали мундир чужого ведомства. Иннокентий Анненский, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич, Ахматова, Мандельштам, да чаще всего и Блок осмысляли мир в специфически поэтических категориях. Ходасевич, скажем, мог писать стихи о русском ямбе как об отдельной, особой и самодостаточной проблеме. Литературе нужна обостренная аналитическая мысль, ей недостаточно стать на чью-либо сторону, ей необходимо выработать собственный голос и погрузиться в тот культурный пласт, из которого она может выбрать все, что ей нужно, и — создавать ценности даже в «башне из слоновой кости».

— Тут бы самое время филологам сосредоточиться на филологии. Но ситуация катастрофическая: книги по истории литературы, ее теории просто не выходят. А то, что появляется в провинции, — остатки прежней роскоши.

— Будучи недавно в Москве, я увидел, что в крупнейшем книжном магазине отдел литературоведения просто ликвидирован. Это результат отсутствия культурной политики.

Любое уважающее себя общество в период катаклизмов берет культуру под защиту. У меня на полке стоит 3-й том полного собрания сочинений Жуковского, изданного в 1918 году. Заметим, что Жуковский не революционный поэт, а монархист, консерватор. На обороте титульного листа — разъяснение комиссариата народного просвещения за подписью П. И. Лебедева-Полянского: в период книжного голода, наступившего в стране, ни за какие деньги нельзя достать хорошую книгу; поэтому комиссариат, не дожидаясь окончания уже ведущейся работы по пересмотру текстов сочинений классиков (а из нее выросла почти вся наша текстология), приступает к изданию со старых матриц собрания сочинений Толстого (15 томов), Жуковского (3 тома), Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского (12 томов), Кольцова, Ключевского… Гражданская война, разруха, голод, бумаги нет. Разве у нас сейчас 18-й год? Простите, но транспорт ходит, голода пока нет, а приличная книга — редкость. Более того, в стране есть и бумага, работают типографии, которые тиражами 200–300 тысяч печатают тонны той вульгарщины, которой завалены книжные магазины и все лотки Москвы и Петербурга. Мне пришлось бывать в Америке. Такого рода книжонки не продаются в центральных магазинах, для них существуют толкучки и закоулки и еще специальные порномагазины.

— Недавно в «Независимой газете» появилась статья Андрея Немзера «Об издательских делах», где он пишет о необходимости твердой и продуманной политики в области культуры, о контроле государства над выполнением ГОСУДАРСТВЕННЫМИ издательствами своих планов. Иначе они начинают просто обслуживать рынок. А через несколько дней в «Аргументах и фактах» я читаю интервью Михаила Полторанина, который утверждает, что 4 тысячи независимых издательств России выпускают самую интересную литературу. А государственные издательства (интервьюер предлагает их чуть ли не распустить, как «слабые колхозы») в конкурентной борьбе должны определить свое будущее. Министр печати ратует за полное прекращение государственного контроля в издательском деле.

— Декларативно заявленное полное отсутствие культурной стратегии чрезвычайно опасно для судеб всего общества. Подобная точка зрения может быть завтра перенесена, скажем, на государственный Эрмитаж. Пусть конкурирует с частными фирмами, торгующими на улицах. Да Эрмитаж не может с ними

конкурировать, он будет тут же скуплен за доллары теми, кому это нужно! Будущий историк возьмет «Книжное обозрение» и, посмотрев, что у нас выходило в разные годы, сделает один-единственный вывод: высшего расцвета книжное дело и литературные свободы достигли в 1991 году. С 1992 года произошел полный культурный распад, а читающая Россия в это время состояла из подростков с задержанным умственным развитием. Кто-то сведущий мог бы объяснить министру печати, что почти все выпускаемое сегодня — это книги не созданные, а перепечатанные, и очень часто на таком чудовищном уровне, на каком в эпоху застоя не позволяли себе работать районные газеты в глубинке. В Москве я собирался купить репринт Корана, но не сделал этого. Оказалось, что в тексте остались сноски на соответствующие страницы комментария, которого, однако, я не обнаружил. Чистой воды халтура.

— Видимо, необходимы значительные вливания в культуру, в книгоиздание в частности. Тут без дотаций не обойтись. Ведь культура и рынок — две вещи несовместные?

— Не о дотациях нужно говорить. Я еще не видел полного текста принятых Верховным Советом Основ законодательства о культуре. Будем надеяться на нечто более кардинальное. Давайте подумаем: разве, например, армия получает дотации? Нет, расходы на нее — в числе фундаментальных статей бюджета любого государства, иначе оно не сможет существовать. Тяжелая промышленность, транспорт, властные структуры — то, что обеспечивает жизнедеятельность государства — разве дотируются? Так вот культура — это тоже одно из необходимых условий существования общества. Конечно, на все можно закрыть глаза и даже на это. Но тогда через несколько лет у нас будет оруэлловское общество на демократической основе. Культурная сфера формирует личность с ее ценностными ориента-циями, в том числе мировоззренческими и социальными. Она приучает человека размышлять. Рыночная же культура, лежащая на лотках, приучает потреблять. Она формирует общество пассивное и невыбирающее, культурно-гомогенное, которое является мечтой любого тоталитарного государства. А как вы думаете, за кого проголосует это общество на очередных выборах? За того, кто подносит ему самые примитивные, биологически понятные лозунги. Демократия подпишет собственный смертный приговор, и очень скоро, в ближайшие 10–15 лет. Более того, возможность ее возрождения исчезнет надолго.

Сейчас многие говорят о гибели культуры. Но ведь культура-то не погибнет. Не ее жаль. Государства погибали, а культуры

воскрешались, потому что это самое прочное, что есть в человеческой цивилизации. Так было с культурой уничтоженного Древнего Рима, когда на века она замерла, а потом воскресла и стала выдвигаться как основная эстетическая и интеллектуальная ценность. Так вот: жаль не культуру, а жаль те поколения, которым придется ее для себя открывать заново. Но именно эти поколения и произнесут свой суд над нашим обществом и над нашим временем. Этот суд будет куда строже того, которым мы судим недавнее 70-летнее прошлое. Он будет жестче еще и потому, что генерация новых политиков взяла на себя тяжелую историческую миссию сделать шаги вперед. Если окажется, что это шаги назад, можно догадаться, в каком пантеоне будут висеть их портреты.

Когда мы говорим о воздействии на человека огромного культурного слоя, крайне важно сказать, что он помогает выработать аналитичность мышления, способность анализировать не только прошлое, но и настоящее. Человечество аккумулирует исторический опыт и его осмысляет. Когда оно перестает его осмыслять, оно падает в бездну варварства. Об этом — мудрый фильм-притча А. Рехвиашвили «Путь домой». Рассеянный после битв и исторических испытаний народ возвращается домой. У него есть шанс вернуться до тех пор, пока жив хоть один человек, способный прочесть книгу. Книгу его вождей. Последняя сцена удивительна: книга попадает в руки к очередному вождю, и он держит ее вверх ногами. Читать он уже не умеет.

Хочется вспомнить об идее покаяния, о которой говорили Д. С. Лихачев и другие. Она имеет отнюдь не религиозный смысл. Покаяние — это умение проанализировать самого себя, умение понять свою историческую правоту и неправоту. До тех пор, пока мы этого не осознаем, **пути домой** у нас не будет. Но я, пожалуй, не стал бы бездумно повторять знаменитую сейчас формулу: зачем нужна дорога, если она не ведет к храму? А зачем нужна дорога, если она ведет только к храму? Нужны дороги, которые ведут и к храму, и не к храму, чтобы человек сознательно выбирал себе любую. В свое время я равнодушно проходил мимо книжных витрин, наполненных атеистической литературой. На каждой книжке было написано: «Есть ли бог?». И не было ни одного шанса, чтобы хоть в одной из них был положительный ответ. Поэтому и покупать их не хотелось.

Теперь же, проходя мимо тех же витрин с книгами «Есть ли Бог?», я знаю, что ответ будет заведомо положительным. И мне это точно так же не интересно. Интересно почувствовать напряжение мысли человека, который доказывает, а не подтверждает цитатами заранее известные ему тезисы. В этом

разница между культурой и некультурой, мыслью и безмыслием и между цивилизованным обществом и варварским.

— Между демократическим и тоталитарным?

— Несомненно. Любое общество, которое хочет ввести единомыслие, — варварское. И тоталитаризм бывает демократическим, а бывает авторитарным. Но я не хочу ни того, ни другого.

— Когда вы говорили о томах Жуковского, выходивших в голодном 1918 году, я вспомнила и об устных формах общения филологов, литераторов, существовавших в те времена, когда печатный станок работал ограниченно, — о Московском, а потом Пражском лингвистическом кружке, о рукописных окнах РОСТА.

— Формы эти есть и сейчас. Недавно я вернулся из подмосковного Остафьева, где выступал на конференции, приуроченной к 200-летию со дня рождения Вяземского. Ранее там же и в Москве прошла конференция, посвященная юбилею Карамзина. По ее материалам было подготовлено несколько сборников — это редчайшие неизданные материалы, в том числе и добытые за рубежом. Так вот, они не выйдут.

— Тем не менее ученые, выступавшие там, находят себе аудиторию — узкий круг заинтересованных слушателей. А как быть студентам-филологам, которые теперь лишены возможности прийти в библиотеку и взять сборник докладов, сделанных на этих конференциях?

— Пожалуй, сегодня возможности студента все это изучать ничтожны. Слава Богу, что до 1991 года культура развивалась по восходящей и что библиотеки пока еще не освобождены от государственного надзора! Хотя, кто знает, может быть, скоро им предложат выставить на улицу лотки с книгами и конкурировать с уличными торговцами на общих основаниях.

Итак, студент не найдет в библиотеке остафьевского сборника, а среди докладчиков на конференции были блестящие молодые филологи, наши самые квалифицированные специалисты по первой половине XIX века. Многие из них — авторы еще одной не увидевшей свет книги: «Арзамас». Это подготовленный на великолепном уровне весь комплекс документов, связанных с целой эпохой, формировавшей Пушкина. Книга делалась как осуществление литературного завещания Гиллельсона; она была набрана, подписана в печать в издательстве «Художественная литература». И дело на этом

кончилось.

Посмотрим, может быть, что-нибудь удастся издать, привлекая заинтересованных филологов Запада. Но ведь все это — наша культура, книги делались в России и для России. К нашему национальному стыду, сами мы уже не имеем возможности поддерживать свою культуру — то единственное, что мы можем представить на Западе в качестве самостоятельной ценности.

— Кстати, о Западе, точнее — ближнем зарубежье… Как вы оцениваете позицию Российской академии наук, отказавшейся рассматривать кандидатуру Ю. М. Лотмана для избрания его в свои члены, объясняя это тем, что он житель Эстонии? Хотя после прекращения деятельности союзной академии все академики, проживавшие в бывших республиках, автоматически стали членами Российской академии.

— 170 лет назад Александр Тургенев сказал о Российской академии: вот вся история и приговор нашей академии — Карамзин не был ее членом.

— Какую опасность для нас представляет обрыв культурных связей, существовавших в СССР?

— Когда я слышу торжествующие крики о падении империи, то всегда задаю себе один вопрос: кто это говорит — Ганди, поднимающий флаг независимой Индии, или вандал на развалинах Рима? Боюсь, что голос вандала слышнее. Что такое человек, потерявший империю? Ведь он был немножко рабом и немножко императором. Не знаю, перестал ли он быть рабом, но императором — перестал. Именно это лежит в основе ностальгии по империи. А еще — ощущение общего культурного пространства, разрезать которое решительно невозможно. Выбросьте из русской культуры Грузию и горские народы, и вы лишитесь шедевров Лермонтова и Льва Толстого. Повесть «Хаджи-Мурат» — одна из самых высоких вершин русской классики — не могла быть создана, если бы русский писатель не проник с любовью и уважением в психологию, казалось бы, чужого ему народа. А выбросьте русскую культуру из грузинской — и лишитесь Ильи Чавчавадзе и Николоза Бараташвили. Я прекрасно помню овации, которые устраивались грузинскому театру в Москве и Ленинграде, помню очереди в кинотеатрах на грузинские фильмы, поразившие нас тогда. Русская аудитория всегда была самой благодарной для восприятия других культур. Как нас тянуло в Прибалтику, как не хотелось уходить из

литовского леса (именно потому, что он был не похож на наш). Вам не приходилось бывать в Самарканде? Это было одно из самых сильных эстетических потрясений, какие мне пришлось испытать. Для русских Самарканд — воплощение Востока. Причем в совершенно специфической, неповторимой форме — среднеазиатского Востока. Это неотъемлемая часть нашего культурного сознания, но ведь и Средняя Азия знает, что мы, может быть, лучшие ее ценители. Ибо на фоне Мекки Самарканд померкнет. А у нас другой Мекки нет.

Мне кажется, если создать специальную газету, которая собирала бы культурные ценности бывшего Союза, она будет с сочувствием принята в любом из этих регионов. Газета просветительского толка, восстанавливающая органически сложившееся культурное пространство; не только для узкого круга ценителей, а для всех, живущих в ближнем зарубежье, практически неотделимом от нас.

— Но которое может быть отделено волевым усилием?

— Волевым усилием можно отделить даже русскую провинцию. Но от этого связи все равно не разорвутся. Кстати, если откуда-то и придет культурное восстановление, то не в последнюю очередь из нашей провинции. Здесь еще осталось уважительное отношение к своим святыням. Это не маргинальная психология. Будучи недавно в Тарханах, я имел случай в этом убедиться. Лермонтовский музей — предмет гордости. Это — свое. И уж тут не будут ломать деревья, как в Подмосковье.

— Вадим Эразмович, когда полгода назад я позвонила вам и просила ответить на вопросы нашего «Филологического корпуса»: над чем вы работаете и что читаете? — вы сказали, что работаете исключительно над академическим собранием Пушкина. Как бы вы ответили сегодня?

— И сегодня продолжаю эту работу. Выпускаем первый пробный типовой том — лицейская лирика с заново проверенными текстами, переработанным комментарием, с приложением старой, но не утратившей своего значения работы Цявловского. Книга должна выйти в будущем году, потому что на нее получены специальные субсидии. Что будет дальше — трудно сказать. Вообще этот год «знаменательный»: не вышло ни одной книги Пушкина. Хотя нет — «Тень Баркова»! Ну, а что будет в подлинно знаменательном 1999 году — можно только гадать. Но Пушкинский Дом работает.

Лично у меня в издательствах лежит более 50 печатных

листов подготовленных и написанных текстов, но никакой надежды на их выход нет.

Продолжается работа с «Российской энциклопедией» над Словарем русских писателей XIX века. Это грандиозное издание. Первый том уже вышел, второй набран, а третий ушел в типографию. Первый том, увидевший свет несколько лет, назад готовился еще во времена Брежнева, но без малейшей конъюнктуры. Поэтому у него практически не было шансов на издание — том включил статьи обо всех писателях-эмигрантах первого поколения. Тем не менее авторы (и известные уже ученые, и совсем юные тогда филологи, едва со студенческой скамьи, и подлинные подвижники — коллектив редакции литературы и языка, и редколлегия, куда вхожу и я) работали так, словно дело шло об обычном издании. Нужно сказать, что нас тогда очень поддержал назначенный главным редактором словаря П. А. Николаев. И когда цензурные барьеры пали, нам не пришлось переделывать книгу. Этим мы вправе гордиться.

А что я читаю? В основном то, что необходимо для моей работы. И только уехав на 10 дней в Тарханы, имел редкую возможность читать для собственного удовольствия. Наслаждался ранее мне не известным Гайто Газдановым. Пожалуй, такой прозы я не читал уже много лет.

— И все-таки как работать, когда книги не выходят?

— Не знаю… Книга имеет духовную ипостась и ипостась материальную. Что касается духовной, интеллектуальной, то она не пропадет. Литература сделалась рукописной, как говорил Пушкин, в период цензурного террора. Ну, может быть, мы дождемся того уровня цивилизации, при котором это будет востребовано. Сейчас же, видимо, нужно продолжать работать в меру наших способностей.

— Работа в стол?

— Конечно. Продолжать работать в стол, как это привычно было российскому обществу. Благо, тут не занимать опыта. Ну, а там видно будет.

notes

Примечания

1

Печатается по изданию: Литературная газета. 1992. № 46. 11 ноября. С. 6.